

О сокрушении

Оглавление

СЛОВО ПЕРВОЕ. К ДИМИТРИЮ МОНАХУ.	2
СЛОВО ВТОРОЕ. К СТЕЛЕХИЮ.	15

Два слова о душевном сокрушении написаны св. Иоанном Златоустым по просьбе благочестивых и близких к нему лиц, имена которых поставлены в заглавии этих слов, монаха Димитрия и Стелехия, в конце 374 или в начале 375 года по Р. Х., когда он сам, по посвящении в церковного чтеца св. Мелетием, епископом антиохийским, поселился в обители иноков, проводивших подвижническую жизнь на смежных с Антиохиею горах, о чем ясно говорится в первом слове (отдел. б).

СЛОВО ПЕРВОЕ. К ДИМИТРИЮ МОНАХУ.

Видя, что ты, блаженный Димитрий, непрестанно обращаешься к нам и с великим усердием просишь от нас слов о сокрушении, я всегда ублажал (тебя) и удивлялся чистоте души твоей; потому что и пожелать таких наставлений невозможно, не очистившись перед этим совершенно и не возвысившись над всем житейским. Это легко видеть на тех, которые объемлются таким желанием даже на краткое время: в них происходит вдруг такая перемена, что они тотчас переносятся на небо; отрешив душу от мирских забот, как бы от тяжких уз, они таким образом дают ей свободу взлетать в свое, сродное ей, место. Но со многими обычно в течение жизни это случается редко; а ты, божественная глава, всегда, как известно мне, объят этим огнем сокрушения. И свидетелями мне в этом могут быть (твои) бессонные ночи, и потоки слез, и любовь к пустыне, постоянно живущая и процветающая в душе твоей. Какая же будет тебе польза от наших слов? Уже то самое, что ты, достигнув самой высоты (добродетели), ставишь себя вместе с идущими внизу, окрыленную душу (свою) называешь каменной и, непрестанно касаясь правой руки моей, целуешь и со слезами говоришь: „сокруши ожесточенное сердце мое“, - уже это самое какую означает богобоязненность, какую пламенную ревность? Итак, если ты желаешь пробудить нас спящих, привлекая нас к этому предмету, то одобряю твою великую мудрость и попечение; но если ты действительно имеешь в виду себя самого и думаешь, что ты нуждаешься в возбудителе, то не знаю, как бы еще иначе мог ты убедить нас, что ни в чем нашем ты не нуждаешься. Впрочем, и при этом мы уступим тебе и послушаемся из уважения и (твоего) дерзновения к Богу, и усердия в просьбе, и дружбы к нам; а ты воздай нам за это своими молитвами, чтобы нам правильно устроить жизнь свою в будущем, и теперь сказать что-либо доброе, способное восстановить лежащие и подкрепить и ободрить ослабевшие души. С чего же нам начать это слово? Какое мы положим ему основание, какую опору? Не очевидно ли, что - слова Христа, в которых Он изрекает горе смеющимся, а ублажает плачущих, говоря так: "Блаженны плачущие, ибо они утешатся" (Мф. 5:4), и: "Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете"(Лк. 6:25)? И это весьма справедливо, потому что вся настоящая жизнь поистине есть время плача и слез: такое несчастье постигло всю вселенную, такая бедствия объяли всех людей, что, если кто захочет распознать их в точности, если только возможна такая точность, то не перестанет скорбеть и плакать: так все извратилось и расстроилось, а добродетели и следа нет нигде! А еще тяжелее то, что мы и сами не чувствуем и другим не даем чувствовать постигших нас бедствий, но стали похожи на человека, которого тело извне цветет, а внутри разрушается сильным огнем: и по этой безчувственности мы несколько не отличаемся от умалишенных, которые без опасения и говорят и делают много опасного и непристойного, и не только не стыдятся, но еще хвалятся этим, и считают себя здоровее здоровых. Так и мы, делая все, свойственное больным, не знаем и того, что мы больны. Между тем, если в теле нашем случится даже малая болезнь, мы и приглашаем врачей, и тратим деньги, и обнаруживаем терпение, и не перестаем делать все, пока не прекратим болезнь; а о душе, которая плотскими страстями ежедневно поражается, терзается, сожигается, низвергается в пропасть и всячески губит себя, несколько не заботимся. Причиною же этого то, что болезнь объяла всех. Поэтому, как больные телом, если не случится быть при них кому-либо из здоровых, беспрепятственно могут все подвергнуться крайней опасности оттого, что некому отклонить их от безразсудных желаний, так и у нас, оттого, что нет никого совершенно

здороваго в вере, но все больны, - одни более, другие менее, - никто не в состоянии пособить лежащим. Так, если бы кто со стороны пришел к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы и разстройство нашей жизни, то не знаю, каких бы еще мог он представить себе других врагов Христа хуже нас; потому что мы идем такою дорогою, как будто решились идти против заповедей Его!

2. И чтобы кто не подумал, что наши слова преувеличены, я постараюсь представить и доказательство, не от чего либо другого, но из самых заповедей Христовых. Что же говорит Христос? "Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синедриону; а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной"(Мф. 5:21, 22). Это (сказал) Христос. А мы, хуже неверующих в Него, поправили этот закон, каждодневно осыпая братьев своих множеством злословий. И особенно смешно то, что, избегая названия урод, как будто только это слово подлежит наказанию, мы часто наносим (ближнему) другия более тяжкие оскорбления. А на самом деле не так, но (Господь) дал такое запрещение, угрожая наказанием оскорбителям вообще, как это видно и из следующих слов Павла: "Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют" (1 Кор. 6:9, 10). Если же называющий брата своего уродом достоин крайнего наказания, то сколько геенскаго огня приготовить себе тот, кто называет его злодеем, и завистливым, и безумным, и тщеславным, и многими другими, столь же оскорбительными, словами? Слова безумный и "рака" - гораздо легче сказанных теперь. Посему Христос, не упоминая о них, указал только на те, чтобы ты знал, что если легчайшее злословие подвергает сказавшаго геенне, тем более сделают это более тяжкие и несносные. Если же некоторые допускают в сказанном преувеличение (я знаю, что некоторые испытывают расположение думать так, будто эта угроза сказана только для того, чтобы утратить), то следует уже освободить от упомянутого наказания и самых блудников, мужеложников, малакий, идолослужителей. Если (апостол) высказал угрозу злоречивым только для страха, то явно, что тоже и остальным; потому что он сперва поставил всех вместе, а потом прибавил, что они будут лишены царствия. Что же, скажут, неужели злоречивый станет на ряду с блудником, и малакией, и лихоимцем, и идолослужителем? Одинаковому ли он подвергнется наказанию, это рассмотрим в другое время; а что он одинаково с ними лишится царствия, в этом я верю словам Павла, или, лучше сказать, действовавшего через него Христа, т. е. что ни те, ни другие царствия Божия не наследуют. И не только касательно этого, но и многих других предметов многие также расположены думать, будто то, о чем (в Писании говорится как) имеющем непременно исполниться, сказано преувеличенно. Это - диавольская сеть. Чтобы в людях, проникнутых сокрушением по любви к Богу, истребить страх будущего наказания и сделать их менее тщательными в повиновении заповеди, (диавол) предложил успокоение в мысли о преувеличении, которая в настоящей жизни способна обмануть беспечные души, но будет изобличена в день суда, когда от этого не будет никакой пользы. Что пользы, скажи мне, теперь обманутым узнать этот обман тогда, когда и покаяние несколько не будет полезно, именно при воскресении? Не станем же тщетно обманывать себя, не будем лжеумствовать на зло себе и навлекать на себя еще другое наказание - за неверие. Жесточайшему наказанию подвергает

нас не только неисполнение заповедей Христовых, но и неверие им; а неверие происходит от нерадения об исполнении заповедей. Именно, когда мы не хотим приобрести себе спокойствие повиновением (воле Божией) и исполнять заповеданное нам, то, стараясь отвлечь ум от страха за будущее и отогнать великий страх угрожающих наказаний, мы, подавляемые и терзаемые совестью, ввергаем себя в другую пропасть, - не верим этим наказаниям. Как одержимые сильною горячкою, если и бросаются в холодную воду, не ослабляют удушающего их жара, но еще более прибавляют себе огня; так и мы, уязвляемые сознанием своих грехов, заставляем себя погружаться в бездну (мысли о) преувеличении, чтобы потом безбоязненно предаваться всем грехам. Мы не только гневаемся на присутствующих братьев, но часто враждебно относимся и к отсутствующим: а это - верх ожесточения. От тех, кто выше и сильнее нас, мы весьма скромно терпим и обиды и оскорбления, потому что боимся их; а к равным и низшим, даже и не причинившим нам никакого огорчения, питаем вражду. Так страх пред людьми действует (в нас) сильнее страха Христова.

3. Как же мы можем надеяться на спасение, показывая такую беспечность и невнимательность? И отчего это, скажи мне? Что тяжкого, что трудного требует от нас Христос? Не гневайся, говорит Он, на брата твоего напрасно. А это гораздо легче, нежели терпеть напрасный гнев от другого; там уже готово вещество для огня, а здесь ты сам зажигаешь пламя, когда нет и вещества для него; между тем не все равно - терпеть ли и не воспламеняться, когда другой подносит свечу, или оставаться спокойным и невозмутимым, когда никто не возмущает. Кто вытерпит в первом случае, тот представит доказательство величайшего любомудрия; но кто сделает последнее, тот не заслужит удивления. Итак, когда мы, по страху перед людьми делая более трудное, не хотим делать менее трудного по страху Божию; то подумай, какому подвергаем сами себя наказанию и мучению. Притом, почитай братом не только равночестного тебе, не только свободного, но и слугу: "во Христе Иисусе", по апостолу "нет ни раба, ни свободного"(Гал. 3:28). Таким образом мы подвергнемся одинаковому наказанию, если будем гневаться напрасно и на рабов; потому что и раб есть брат и удостоился истинной свободы, имея один (с нами) дух. Кто же может сказать о своей жизни, что она чиста от безрассудного и напрасного злоречия и гнева? Не указывай мне на того, кто предается этому (пороку) изредка, но покажи такого человека, который бы никогда не предавался ему; а пока не представишь нам этого, до тех пор не можешь отклонить (содержащейся в Писании) угрозы под тем предлогом, что пороку этому предаются не часто. Так и вор, и блудник, хотя бы только однажды совершили грех, не освобождаются от наказаний потому, что совершали этот грех не часто, но наказываются за то, что вообще дерзнули на это. А что за этим следует (в Евангелии), того кто из неверующих не сочтет даже за басню, видя, с каким упорством мы нарушаем это (повеление)? Бог сказал: "Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой."(Мф. 5:23, 24). А мы приступаем к алтарям, враждуя друг против друга и явно и тайно. Бог столько печется о нашем примирении, что допускает и жертвоприношению своему оставаться несовершенным и службе прерваться, только бы мы прекратили вражду друга к другу и гнев; а мы так мало обращаем на это внимания, что на гибель себе питаем вражду в продолжение многих дней. Христос наказывает не только злопамятных, но и тех, которые, освободившись от этой страсти, небрегут об оскорбленных

(ими) братьях. Так как помнить зло свойственно обиженным, а тот, кто обижает, может и не предаваться этой страсти: поэтому (Христос) и повелевает последнему идти к первому, показывая, что большему против первого наказанию подлежит тот, кто дал корень греху. А мы и этим не вразумляемся, но оскорбляем братьев и за малости, потом, как будто бы не было ничего худого, оставляем без внимания и забываем обиженных нами, и даем вражде продолжаться долгое время, не сознавая, что понесем тем большее наказание, чем больше дней попустим продолжаться неприязни, - как за это самое, так и потому, что и примирение потом становится для нас более затруднительным. Как тогда, когда дружба связывает нас, ничто не может легко произвести разрыва (между нами) и даже быть принято с доверием; так тогда, когда вражда овладевает нашими душами, желающие поспорить нас большею частью легко и удобно успевают в этом, потому что мы тогда доброму не верим, а верим только худому. Посему (Господь) повелевает нам, оставив дар пред алтарем, наперед примириться с братом, дабы мы знали, что если в это время не следует отлагать примирения, тем более в другие времена. А мы внешние признаки удерживаем, от самой же истины удалились, - пред принесением дара приветствуем друг друга, но делаем это большею частью только языком и устами. Но Господь хочет не этого, а того, чтобы мы давали ближнему лобзание от души и приветствие от сердца. Это и есть истинное приветствие, а то - ложь и притворство; и кто так целует (ближнего), тот скорее прогневает, чем умилоstit Богa. Он требует от нас искренней и крепкой дружбы, а не такой, которая имеет у нас часто вид и призрак (дружбы), а силу вовсе утратила, что самое и служит доказательством господствующих у нас беззаконий. "По причине умножения беззакония", говорит Господь, "во многих оскудеет любовь" (Мф. 24:12). И это делаем мы, люди, которым повелено не гневаться и не иметь врагов, а если и случится кого иметь, то только на день: "солнце", говорит (апостол), "да не зайдет в гневe вашем" (Ефес. 4:26). А мы и на этом не останавливаемся; но строим козни друга против друга, и словами, и делами угрызая и поедая своих сочленов, что свойственно явному умоисступлению; ибо по этому особенно мы узнаем страждущих неисцельно беснованием и сумасшествием. Что же сказать о законе касательно соперника, нечистой похоти, бесстыдных взглядов, безумной и губительной любви? Здесь "правое око" и "правая рука" (Мф. 5:25-30) указывают нам не на другое что, как на любящих нас со вредом (для нас). А закон касательно развода с женами кем не был часто нарушаем и попираем (Мф. 5:32)?

4. О законах против клятвы стыжусь и говорить, потому что не только клянутся, но и нарушают клятвы непрестанно. Если клятва, и в справедливом деле, виновна и законопреступна, то куда мы отнесем нарушение клятвы? Если то, что сверх да и нет, от лукавого (Мф. 5:37), то кому приписать то, что превышает это последнее? Далее Господь говорит: "А Я говорю вам: не противься злoму. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся" (Мф. 5:39-42). Что можно сказать на это? Относительно всего здесь сказанного остается только плакать и закрываться (от стыда): так мы уклонились в совершенно противоположную сторону, употребляя все время на суды и неприязни, на распри и ссоры, не перенося ни малейшего оскорбления, ни на деле ни на словах, но раздражаясь и за мелочи. Если бы ты мог указать на таких людей, которые, истратив много на бедных, после сами по бедности подвергаются презрению и терпят множество бедствий, то

таких насчитал бы немного и даже весьма мало; но и между ними ты не указал бы нам такого любомудрого, какой изображен здесь: эта последняя (предписываемая Христом) жизнь гораздо духовнее, чем первая; потому что не все равно - дать ли добровольно, или перенести, когда все отнимают у тебя. Что говорю: перенести? Сказанное Христом заключает в себе гораздо более и этого. Слово Его так воспрещает обиженным гневаться на обидевших, что должно не только не скорбеть о том, что уже взято, но и отдавать добровольно то, что осталось, и показывать готовность терпеть зло более, нежели сколько есть страсти у врагов делать нам зло. Так, когда желающий обижать найдет, что обижаемый готов потерпеть более, нежели сколько ему хотелось, и, удовлетворив своей страсти, увидит, что оскорбленный с преизбытком выказывает свое великодушие, то отойдет прочь, побежденный и посрамленный превосходством терпения; и, хотя бы он был зверь, и даже свирепее его, сделается потом скромнее, ясно увидев из сравнения и свою злость и его добродетель. Такой жизни я и ищу теперь, какая именно и предложена в Писании, но какой в других местах и на опыте (не нахожу) нигде. Не указывай мне на такого, который обижен и терпит, ибо случается терпеть и по бессилию; но на такого, который в отношении к равносильным и к тем, кому он мог бы мстить, показал бы терпение, хотя и не до такой степени, чтобы превзойти страсть врага и дать ему более, нежели сколько он хотел, и этою добровольною уступкою большего доказал бы свое великодушие и на счет отнятого насильно. Но, что еще выше и этого и что составляет самый верх (добродетели), - Христос повелел нам считать друзьями, и друзьями близкими, тех, которые так поступают с нами и причиняют нам вред и в деньгах, и в телесном здоровье, и во всем прочем. Не только, говорит Он, прибавляй хищнику и лихоимцу, но и люби его любовью самую крепкой и искренней. Это именно желал Он выразить, когда сказал: "молитесь за обижающих вас и гонящих вас" (Мф, 5:44; сн. Лк. 6:28). Это мы обыкновенно делаем только за тех, кого весьма любим. И чтобы ты опять не счел этих слов за преувеличение и не подпал дьявольскому обольщению, Он приводит этому доказательство и основательную причину: "Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?" (Мф. 5:46-47)? Если же мы в этом нисколько не отличаемся от мытарей и язычников, то как нам не плакать и не сокрушаться? И если бы зло состояло только в этом! Но теперь мы так далеки от любви к врагам, что отвращаемся и ненавидим даже тех, которые любят (нас); потому что враждовать, завидовать и губить их честь и добрую славу и делами и словами свойственно только тем, кто сильно ненавидит и отвращается. Таким образом, мы в этом не только ничем не отличаемся от язычников, но еще оказываемся гораздо хуже их. Христос повелел "молиться за обижающих," а мы строим ковы; нам повелено "благословлять проклинающих" (Мф. 5:44), а мы осыпаем тысячью проклятий. Что может быть сильнее этого противоречия и противоборства, какое мы ведем против Законодателя, поступая вопреки всем Его повелениям? Не говорю уже о власти тщеславия, которую Он низложил последующими словами (Мф. 6:1-8), а мы усилили, распространив эту власть его не только на молитвы, посты и милостыни, но и на все прочее, и подчинив себя этой безумной страсти хуже всякого невольника, - не говорю, потому что это ясно для всех; скажу только, что одни из людей, предавшись крайнему нерадению, не соблюдают никаких заповедей, а другие, если и захотят отчасти покоряться им и постараются исполнить некоторые заповеди, то и они опять впадают в тот же недостаток, не желая сбросить с себя уз тщеславия. Один совсем не подает милостыни, а другой даже если и уделяет нуждающимся несколько из своего имущества, но делает это с

тщеславием, и потому оказывается ничем не лучше неподающего. Так дьявол всех совершенно опутал своими сетями! Если же кто сможет избежать этого недостатка, то по неразумию опять упадет в схожий с этим или еще гораздо больший грех; и останется не только без пользы для себя от того, что сделал, но и с причинением себе некоторого зла. Я знаю многих, которые помогают нуждающимся не по этим только причинам, но и по дружбе и из угождения и по многим другим подобным побуждениям, а не по страху Божию и не по заповеди. Итак, когда есть столько обстоятельств вредящих добрым делам, то кому из подверженных этим недостаткам легко будет спастись?

5. А слова: "прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим"(Мф. 6:12) кто может произнести смело? Мы если и не мстим врагам, то и не залечиваем (нанесенной нам) раны. А Христос желает, чтобы мы не только прощали, но и принимали врагов в число первых друзей. Поэтому, как я сказал выше, Он и повелел молиться за них. Если же ты, хотя и не делаешь зла (врагу), однако отвращаешься от него, смотришь на него с неудовольствием и хранишь в душе рану свою неисцельною, то ты еще не исполнил заповеди, которую дал тебе Христос. Как же ты просишь Бога, чтобы Он был милостив (к тебе), когда сам ты не милостив к оскорбившим тебя? Посмеваясь этому, один мудрец говорит: "Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения; к подобному себе человеку не имеет милосердия, и молится о грехах своих; сам, будучи плотию, питает злобу, кто очистит грехи его?"(Сир. 28, 3-5)? Хотел бы я уже замолчать и остановить речь на том, что сказано: так стыдно и совестно продолжать далее, потому что дальнейшая речь еще яснее покажет эту борьбу и непримиримую вражду, которую мы оказываем против заповедей Христовых. Но что пользы от нашего молчания, когда дела вопиют об этой вражде, а еще прежде самых дел ясно все знает Тот, Кто будет судить нас? Заповедь - не собирать себе "сокровища на земле, но на небе" (Мф. 6:19, 20), хотя и немногие, однако находятся исполняющие верно; прочие же все, как будто услышав противоположную заповедь, как будто имея повеление собирать сокровища на земле, оставили небо и прилепились ко всему земному, с безумной страстью собирают богатство и, возненавидев Бога, любят маммону. Что же касается до заповеди: "не заботьтесь о завтрашнем дне" (Мф. 6:34), то я не знаю никого, кто бы слушался и повиновался ей, по маловерию нашему. Поэтому, от стыда, пройду молчанием эту заповедь. Хотя надлежало бы верить Христу и тогда, как Он просто объявляет, но теперь мы не верим Ему, когда Он представил и неопровержимые доказательства, и привел примеры, именно птиц и травы; напротив, подобно язычникам и даже с большим, нежели они, малодушием, терзаемся попечением (о земном), и о чем даже не получили повеления молиться, на то истощаем всю свою заботливость. Посему эту заповедь, со стыдом, как я сказал, пройду молчанием, и перейду к последующему, не найду ли там хоть малое облегчение своего стыда. Что же после этого говорит (Христос)? "Не судите, да не судимы будете" (Мф. 7:1). Здесь я думал найти облегчение своего стыда, но вижу приращение его не меньше, чем от предыдущего. Если бы мы не сделали даже никакого другого греха, то уже этот один может свести нас в преисполнюю геенну: так мы строго осуждаем чужие грехи, а у себя (в глазах) не видим бревен (ст. 3); так мы тратим всю свою жизнь на разведывание и осуждение чужих дел! И не скоро найдешь, и между мирянами и между монахами и клириками, такого, кто был бы свободен от этого греха, несмотря на относящуюся к нему такую угрозу: "ибо каким судом судите, [таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить" (ст. 2). И однако, несмотря на то, что этот грех

подвергает такому наказанию, а нисколько не доставляет удовольствия, мы все бежим на зло, как будто стараясь и соревнуясь войти в гееннскую печь не одною, а многими дорогами. Мы одинаково грешим не только в отношении к более трудным, но и в отношении к легчайшим (заповедям); нарушая равно и эти и те, и преступлением легчайших доказываем, что мы и труднейших не исполняем по своему небрежению, а не по трудности самых заповедей. Так, скажи мне, какой труд в том, чтобы не разведывать о чужих делах и не осуждать грехов ближнего? Напротив, труд нужен на то, чтобы разведывать и судить о других. Кто же, услышав это, поверит когда-либо нам, что мы дошли до нарушения (заповедей) по беспечности, а не с намерением и не по желанию? Когда то, что (Господь) повелевает делать, легко и удобно для желающих (исполнять), напротив то, что Он воспрещает, более тяжело и трудно, а мы, опуская повеленное, делаем запрещенное, не могут ли враги сказать, что мы грешим по желанию сопротивляться Ему? А что заповеди Христовы не имеют в себе ничего трудного, это объяснил сам Он, в словах: "возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко"(Мф. 9:29-30). Но мы, по неизъяснимой беспечности, делаем то, что легкое кажется для многих трудным. Кто хочет ничего не делать, а всегда спать, тому, конечно, кажется трудным и есть и пить; напротив, люди бдительные и бодрые не уклоняются и от весьма дивных и трудных дел, но приступают к ним с большею смелостью, чем беспечные и сонливые к весьма легким. Нет, точно нет ничего легкого, чего бы великая леность не представила нам весьма тяжелым и трудным; равно как нет ничего трудного и тяжкого, чего бы усердие и ревность не сделали весьма легким. Что, скажи мне, могло бы быть тяжелее, как всякий день терпеть опасности, угрожающие смерти? Однако блаженный Павел и это назвал легким, сказав так: "Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу"(2 Кор. 4:17). И трудное само по себе дело становится легким по надежде на будущее; эту (причину) привел и сам (Павел), сказав: "когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое" (ст. 18).

6. Посмотрим и дальше. Не давайте, говорит Христос, "святыни псам, не бросайте жемчуга вашего перед свиньями" (Мф. 7:6). Христос дал эту заповедь как повеление, а мы, по тщеславию и неразумному дружелюбию, нарушили и это повеление, допуская к общению таинств, просто и без исследования, людей развратных, неверующих и исполненных множества пороков; прежде точного дознания их нрава открываем им все учение о догматах и сразу вводим в святилище тех, которые еще не могут видеть и преддверия. Поэтому некоторые из посвященных таким образом, скоро сделавшись отступниками, наделали множество зла. И мы нарушаем эту весьма страшную заповедь не только по отношению к другим, но даже и по отношению к самим себе, когда, имея нужду приобщиться бессмертных таин, часто делаем это с присущей нам нечистотою и с бесстыдством. И не только эти заповеди всеми всецело нарушаются, но, как оказывается, и последующие. Так Христос сказал: "Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними"(Мф. 7:12). А мы делаем (другим) все, чего сами терпеть не хотим; и, имея повеление входить (в царство небесное) тесными вратами (ст. 13), ищем везде широких. И что таких врат желают и домогаются некоторые из мирян, это не очень удивительно; но что мужи, которые, по-видимому, распялись (для мира), ищут их более, чем миряне, это изумительно, даже походит на загадку. От всех почти монахов, если пригласишь их на какое-либо дело, тотчас услышишь прежде всего

вопросы в таких словах: можно ли им найти покой, может ли приглашающий успокоить их; постоянно повторяется слово: покой. Что говоришь ты, человек? Тебе повелено идти тесным путем, а ты спрашиваешь о покое? Тебе заповедано входить узкими вратами, а ты ищешь широких? Что может быть хуже такого извращения дела? А чтобы ты не подумал, будто я теперь говорю это в осуждение других, расскажу тебе о самом себе. Когда я недавно решил, оставив город, уйти в келии монахов, то много раздумывал и беспокоился о том, откуда мне будет доставляемо необходимое и можно ли будет есть хлеб, новоиспеченный в тот же день; не заставят ли меня употреблять одно и то же масло и в светильнике и в пище, не принудят ли питаться жалкими овощами, не отправят ли на тяжелую работу, приказав например рубить или носить дрова, таскать воду, и исполнять все прочие такого рода службы? И вообще у меня было много заботы о (своем) покое. Между тем люди, принимающие на себя должности начальников и управление общественными делами, нисколько не заботятся об этом (покое), но только о том, будет ли дело иметь пользу, пользу временную, и если могут надеяться на это, то уже не думают ни о трудах, ни об опасностях, ни о бесславии, ни об унижительных работах, ни о дальних путешествиях, ни о жизни на чужбине, ни об огорчениях, ни о муках, ни о перемене обстоятельств, ни о возможности совершенного неисполнения надежд, ни о безвременной смерти, ни о разлуке с родными, ни об одиночестве жены и детей, ни о другой какой неприятности; но упоенные страстью к деньгам, переносят все, посредством чего только надеются удовлетворить ее. А мы, которым уготованы не деньги и не земля, но небеса и небесные блага, которые "не видел глаз, не слышало ухо", и которые "не приходили на сердце человеку" (1 Кор. 2:9), - мы спрашиваем о покое? Так мы более их жалки и слабы! Что говоришь ты, человек? Ты намереваешься идти на небо и получить там царство, и - спрашиваешь, нет ли какой трудности на этом пути и в этом путешествии, не стыдишься, не краснеешь и не бежишь скрыться под землю? Хотя бы там были все человеческие бедствия, злословия, обиды, бесчестия, клеветы, меч, огонь, железо, звери, потопления, голод, болезнь, и вообще все беды, какие случаются в жизни от начала доселе, неужели ты не посмеешься, скажи мне, и не презришь все это? Даже подумаешь ли об этом? Что было бы глупее, ниже и жалче такой души? Объятому желанием небесного не должно, не говорю - искать покоя (телесного), но и наслаждаться им, когда он имеется. Не странно ли, что, тогда как любящие нечистою любовью так всецело предаются своим возлюбленным, что кроме их и пребывания с ними, не находят ничего приятного в других удовольствиях настоящей жизни, как ни много их, мы, объятые не какою-либо нечистою, но самую возвышенною любовью, не только не пренебрегаем покоем, когда его имеем но еще ищем, когда его нет?

7. Никем еще, возлюбленный, не овладело желание небесных благ, как следовало бы овладеть; иначе он почел бы тенью и посмешищем все то, что (теперь) кажется трудным. Так, кто увлекается настоящим, тот никогда не удостоится увидеть будущие блага; а кто презирает здешнее и все считает не лучше тени и сновидения, тот скоро получит те великие и духовные блага. И если у кого действительно будет это благое (настроение), то оно окажет такую же силу, как огонь в терновнике; и хотя бы (такого человека) угнетало множество зол, хотя бы опутывали его многие верви грехов, хотя бы сильно горел в нем пламень похоти и окружало его великое смятение житейских дел, это (желание небесных благ), как бы крепким бичем, совершенно рассеет все такое и удалит от души. Как легкая пыль не может устоять против напора сильного ветра, так и множество нечистых пожеланий не может выдержать

устремившейся против них силы сокрушения, но исчезает и рассеивается скорее всякой пыли и дыма. Если плотская любовь так поработает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него? Как трудно и даже невозможно смешать огонь с водою, так, думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением; потому что они противоположны и взаимно исключают друг друга. Одно есть мать слез и трезвости, а другое - смеха и неумеренности; одно делает душу легкою и окрыленною, а другое приводит ее в состояние тяжелейшее всякого свинца. И это я попытаюсь доказать не моими словами, но - того, кто сам был объят этою прекрасною любовью. Кто же это такой? Пламенный любитель Христа, Павел, который так был уязвлен этою любовью, что даже стенал о замедлении и продолжительности здешнего странствования: "находясь в этой хижине", говорит он, "воздыхаем" (2 Кор. 5:4); однако готов был и желал еще оставаться здесь для Христа: "а оставаться во плоти", говорит он, "нужнее для вас"(Флп. 1:24), то есть, для того, чтобы распространилась вера во Христа. Поэтому он переносил и голод, и жажду, и наготу, и узы, и (опасности) смерти, и морские путешествия, и кораблекрушения, и все прочие беды, им самим исчисленные; и не только не тяготился ими, но еще радовался, а причиною тому была любовь Христова. Потому он и говорил: "Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас" (Рим. 8:37). И не удивляйся этому: если любовь человеческая часто побуждала решаться на смерть, то чего не сделает любовь Христова? Какой не облегчит трудности? Так и ему все было легко, потому что он взирал только на возлюбленного (Христа), и для Него все терпеть считал выше всякого удовольствия и наслаждения, что и действительно так. Он даже и не думал, что он находится на земле, в настоящей жизни, и обращается с людьми; но как будто уже имел небесный жребий, обитал с ангелами, получил царство и наслаждался (созерцанием Бога) лицом к лицу, поэтому презирал и радости и горести настоящей жизни, и нисколько не заботился о покое, которого мы ищем постоянно, но восклицал так: " Даже доньше терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками" И еще: "мы как сор для мира, [как] прах, всеми [попираемый] доньше"(1 Кор. 4:11-13). Обратив же очи души на небо и прилепившись к тамошней красоте, он не хотел уже опять возвратиться на землю; но как бедняга и нищий, все время скрывавшийся в темной и низкой хижине, увидев царя блистающего золотом и лучами камней, не захочет уже и подумать о своем бедном жилище, а будет всячески стараться о переселении в другое жилище, если это возможно; так и блаженный (Павел), увидев небесные блага, смотрел с пренебрежением на здешнюю бедность и, - по необходимости, телесно обращаясь с людьми, ни к чему здешнему не прилеплялся, а всецело переселился в тот (небесный) град. И что я говорю о горестях настоящей жизни? Любовь Христова так воодушевила его, что если бы ему предстояло терпеть для Христа и вечные наказания, он никогда не отказался бы и от этого, потому что он служил Христу не так, как (служим) мы, наемники, страшась геенны и желая царствия. Быв объят какою-то другою, несравненно лучшей и блаженнейшей любовью, он и терпел и делал все не для чего иного, как для того, чтобы только удовлетворить любви, которую питал ко Христу и которая так овладела умом его, что он охотно расстался бы и с тем, что для него было дороже всего, - т. е. пребыванием со Христом, - для чего он пренебрегал и геенной и царством небесным, решившись для Христа встретить и с великою готовностью принять, как одно из вожделеннейших благ, даже и это невыразимое отлучение (от Христа за израильтян, Рим. 9:3).

8. Сказанное мною теперь, может быть, многим покажется неясным; а когда я скажу то же яснее, тогда опять покажется невероятным для тех, кому прежде было неясно. И это несколько не удивительно; сам блаженный (Павел), ожидая, что ему не поверят в этом, предварительно сказал: "Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом" (Рим. 9:1). Однако, несмотря на то, что он присовокупил в своем изречении такие слова и призвал таких свидетелей своей совести, и ему теперь еще не верят.

Что же именно говорит он? Послушай. После речи о бедствиях в этом мире, сказав: "Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?" (Рим. 8:35), и перечислив все, что на земле, он восходит на небо; и желая показать, что пренебрегать для Христа здешними наказаниями не великое дело, прибавил: "ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь" (Рим. 8:38-39). Смысл слов его такой: не только люди не будут в состоянии отвлекать меня от этой любви, но и ангелы, и даже если соберутся вместе все небесные силы, и они не будут в состоянии сделать этого. Что я говорю? Даже если бы надлежало для Христа лишиться царствия или низринуться в геенну, и это мне не страшно. Это, а не другое что, означают слова: высота, и глубина, и жизнь, и смерть. А так говорил он не потому, что ангелы станут усиливаться отлучить его от Христа; но он на словах предполагает то, чего и быть никогда не может, чтобы изобразить и объяснить всем свою великую любовь. Таково свойство любящих: они не могут молчать о своей любви, но обнаруживают свой пламень пред всеми ближними, непрерывною беседою о превосходстве любви успокаивая свою душу. Так поступил и блаженный (Павел): обняв словом все, что есть и что будет, что случается и чего никогда не случится, видимое и невидимое, всякое наказание и всякую отраду, он, как будто этого ему было недостаточно для выражения своего чувства, предположив и выразив словом столько же других несуществующих предметов (к этим несуществующим предметам относится выражение: "другая какая тварь"), таким образом показал, что из всего сказанного ничто "не может отлучить его от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим 8:39). На такую высоту поднял свою любовь (Павел); а мы, получившие повеление подражать ему (1 Кор. 11:1), не переносим благодушно и здешних скорбей, но сетуем и ропщем не менее одержимых горячкой. Продолжительная болезнь эта, охватившая наши души, от продолжительности сделалась, так сказать, неизлечимой, и мы не можем даже подумать о совершенном здоровье, которого восстановление нам кажется уже невозможным. И если услышим, что кто-либо указывает на апостолов и говорит об их подвигах, мы вместо того, чтобы тотчас заплакать о себе, что мы так отстали от них, не считаем и за грех эту (отсталость), но ведем себя так, как будто и невозможно взойти на такую высоту. А если кто-нибудь спросит о причине, мы тотчас представляем такое неразумное оправдание: то был Павел, то был Петр, то Иоанн. Что значит: то был Павел, то был Петр? Не ту же ли природу, скажи мне, имели и они? Не тем же ли, как и мы, путем пришли они в жизнь? Не той же ли питались пищею? Не тем же ли дышали воздухом? Не теми же ли пользовались вещами? Не имели ли одни из них жен и детей, другие - и житейские ремесла, а иные даже не низвергались ли в самую бездну зла? Но они, скажет кто-нибудь, пользовались великою благодатию Божиею! Так, если бы нам повелевалось воскрешать мертвых, или отверзать очи слепых, или очищать прокаженных, или исправлять хромых, или изгонять демонов и врачевать другие подобные болезни: тогда уместно было бы такое наше оправдание. Но если теперь

требуется строгость жизни и изъявление послушания (закону Христову), то как идет к этому такое оправдание? И ты при крещении получил благодать Божию и стал причастником Духа, если и не столько, чтобы творить чудеса, то сколько нужно иметь для правильной и благоустроенной жизни; таким образом - наше развращение происходит единственно от нашей беспечности. И Христос в тот день (суда) будет давать награды не тем, которые только делали чудеса, но тем, которые исполняли Его заповеди. "Приидите", - скажет Он, - "благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира." не за то, что вы творили чудеса, но за то, что "алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне." (Мф. 25:34-36). И в учении о блаженствах Он нигде не упоминает о делающих чудеса, а только - о ведущих жизнь праведную (Мф. 5:3-12).

9. Итак, хотя благодать ныне сократилась, однако это нисколько не может повредить нам, но не послужит и к нашему оправданию, когда мы будем давать отчет в делах. И тем блаженным (апостолам) мы удивляемся не за чудеса, потому что чудеса вполне зависели от силы Божией, но за то, что они явили жизнь ангельскую; а эта жизнь, при высшей помощи, есть дело и их собственного усердия. Это не я теперь говорю, но - сам подражатель Христов (Павел). Когда он в послании к ученикам опровергал лжеапостолов и хотел показать различие между чистым и нечистым служением, то указал не на чудеса, но на подвиги свои, следующими словами: "Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более [был] в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?" (2 Кор. 11:23-29)? За это я удивляюсь апостолам; а без этого, получившие по домостроительству (Божью) власть чудотворения не только не заслужили бы удивления, но даже сделались бы отверженными, как показывает и Христос, когда говорит: "Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие" (Мф. 7:22-23). Поэтому Он и ученикам внушал: "однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах" (Лк. 10:20). Жизнь праведная и без чудес получит венцы и ничего тогда не потеряет; а жизнь беззаконная и с чудесами не может избежать наказания. Итак сказанное нами оправдание неуместно, и не только неуместно, но даже опасно, и для многих еретиков служит предлогом. Если апостолы сделались столь дивными не по собственному своему изволению, а только по благодати Христовой, то что препятствует и всем сделаться такими же? Благодать, если бы наперед не требовала зависящего от нас, вдруг излилась бы в души всех, потому что у Бога нет лицепрятия; а так как она требует и зависящего от нас, то за одними следует и пребывает в них, от других удаляется, к иным же и

вовсе не приходит. А что еще прежде, нежели блаженный (Павел) совершил что-либо дивное, Бог, узнав сначала его расположение, уже дал ему благодать, узнай из того, что Он говорит об нем: "он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми" (Деян. 9:15). Так Испытующий сердца наши засвидетельствовал, когда (у Павла) еще не было благодати. Не будем же, возлюбленные, обманывать себя и говорить, что никому невозможно быть подобным Павлу. Другого Павла, по благодати и чудесам, конечно уже не будет никогда, но по строгой жизни может быть таким каждый желающий, а если нет таких, то единственно потому, что не хотят. Впрочем не знаю, как я дошел до такого неразумия, что ищу между нынешними людьми подобных Павлу, когда не могу видеть и таких, которые были бы подобны третьим или четвертым после него. Об этом должно скорбеть, и плакать, и рыдать, не один и не два только дня, но во всю жизнь; потому что кто приведет себя в такое состояние, тот впоследствии не скоро будет грешить. Если не веришь этим словам, то посмотри на плачущих, именно мирским плачем, притом не из числа простых и ведущих трудовую жизнь, но из числа тех изнеженных людей, которые ничего не знают, кроме удовольствий. И эти люди, которые преданы пьянству и объядению, продолжают обеды до вечера и ужины до полуночи, отнимают чужое, не щадят ни вдовы, ни бедного, ни слабого, и показывают великую жестокость; когда бывают объаты сильною скорбию, которая может возмутить и взволновать душу до глубины, отвергают все сладострастные и преступные пожелания и обращаются к любомудрой жизни, отличаясь строгим поведением, бодростию, земными поклонами, терпением, постом, молчанием, скромностью, смирением и великим человеколюбием. Те, которые отнимали чужое, в это время готовы охотно отдать и свое; и хотя бы кто подложил огонь под их дом со всем имуществом, они не будут гневаться. Я знаю много таких, из которых одни, после потери возлюбленных, оставив город и его удобства, поселялись в деревнях, а другие строили себе дома при могилах усопших и там оканчивали жизнь. Но об этом после. Пока печаль их находится в силе, они нисколько не заботятся о настоящем, но ту безумную страсть, с которою они стремились к сбережению и скоплению денег и приобретению власти и славы в народе, попалив огнем скорби, как траву или цвет травы, изгоняют из души, и ум их тогда объемлется таким любомудрием, что им неприятно и говорить об удовольствиях настоящей жизни; но все, что прежде им казалось приносящим наслаждения, уже кажется противным и весьма горьким, и никто из слуг и друзей не посмеет тогда и слова сказать о мирских делах, даже весьма нужных; все оставляется без внимания и уступает место беседам о любомудрии, потому что тогда скорбию, как бы в каком священном месте, душа научается ничтожеству человеческой природы, кратковременности настоящей жизни, тленности и непостоянству житейского, обманчивости совершающегося на позорище (мира). Тогда (является) великое презрение к деньгам, тогда истребляется гнев, тогда оставляется честолюбие, и уже не может ни зависть обитать, ни гордость свирепствовать в сокрушенном скорбию, и похоть не разжигает сладострастного; но, по удалении всего этого из сердца, поселяется в нем один помысл, представляющий непрестанно образ умершего. Образ этот (для него) и пища и питье, и сон, и удовольствие, и покой, и великая отрада; это (для него) и слава, и богатство, и власть, и наслаждение.

10. Так и нам надлежало бы, - чтобы не сказать чего более, - оплакивать нерадение о своем спасении; с такою любовью и готовностью всем должно бы направлять туда очи души и постоянно памятовать и представлять его себе. Между тем как потерявшие детей и жен не

занимают своего ума ничем другим, как только представлением отшедших от них; мы, потерявшие царство небесное, думаем обо всем больше, чем о нем. Из тех никто, хотя бы царского был рода, не стыдится обычной печали; но и сядет на землю, и заплачет горько, и переменит одежду, и с великой готовностью подчинится всем прочим требованиям такого горя; не станет думать ни о своем воспитании, ни о состоянии тела, ни о могущих быть впоследствии болезнях от изнурения, но все перенесет весьма легко; такое, и даже большее, терпение выказывают не только мужи, но и жены, сколько бы они ни были слабы. А мы, оплакивая не детей, не жен, но погибель души, души не чужой, но своей собственной, притворно ссылаемся на слабость тела и нежность воспитания. И если бы зло ограничивалось только этим! Но теперь мы не делаем и того, на что нам нисколько не нужна сила телесная. Так, скажи мне, какая нужда в силе телесной, когда надобно сокрушить сердце, помолиться трезвенно и бодро, подумать о грехах, низложить гордость и надменность, смирить ум? Вот что умиляет к нам Бога, не требуя большого труда; а мы и этого не делаем. Плакать (о душе) значит не то только, чтобы облечься во вретисце, заключиться в келье и сидеть в темноте, но постоянно памятовать о своих грехах и мучить совесть этими помыслами, непрестанно измерять то пространство пути, на какое мы отстоим от царства небесного. Как же, скажут, этому быть? Как? Если мы будем всегда иметь пред глазами геенну и ангелов, которые во время (суда) разойдутся повсюду и соберут со всей вселенной имеющих быть отведенными в геенну; если станем размышлять, какое великое, и без геенны, наказание - лишиться царства. Поистине, если бы даже не угрожал нам тот огонь и не ожидали нас вечные наказания, то одно отлучение от кроткого и человеколюбивого Христа, за нас предавшего Себя на смерть и претерпевшего все, чтобы избавить от того мучения и примирить с Отцем Своим нас, бывших по грехам врагами Его, - одно это, хотя бы мы и не лишились подлежащих неизреченных и вечных благ, больше всякого наказания в состоянии и пробудить души и расположить к постоянной бдительности. Если мы, только читая пример пяти дев, которые из-за недостатка елея отлучены были от брачного чертога (Мф. 25:8-12), скорбим об их несчастьи наравне с ними самими и смущаемся, то при одной мысли, что и мы сами подвергнемся тому же за беспечность, кто (из нас) будет настолько каменным, чтобы, постоянно имея в душе этот пример, предаваться нерадению? Можно бы распространить слово и более, но так как оно сказано нами только из послушания, а не по другой нужде, то и написанного больше, чем требовалось. Мне хорошо известно, что ты сам строго содержишь всю добродетель сокрушения, и мог бы, даже молча, учить ей и других, если бы они пожелали хотя недолго пожить с твоим благочестием и видеть твою крестную жизнь. Так, если нашим современникам нужно учиться сокрушению, они должны идти в твое жилище, а потомки - слушать о твоих делах; великое, я думаю, руководство к этому доставит один рассказ о твоей жизни. Посему прошу и умоляю, наконец, вознаградить нас и воздать своими молитвами, чтобы мне не только говорить о сокрушении, но и оказывать его делами; потому что учительство без дел не только не доставляет никакой пользы, но даже приносит великий вред и осуждение тому, кто проводит жизнь свою в такой беспечности. "Не всякий", говорит (Господь), "говорящий Мне: Господи Господи, а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном" (Мф. 5:19; ср. 7:21).

СЛОВО ВТОРОЕ. К СТЕЛЕХИЮ.

КАК возможно быть тому, что приказал ты, святой Божий человек, Стелехий? Как от души, столь слабой и холодной, произойти словам о сокрушении? Кто намерен сказать об этом предмете что-нибудь доброе, тому надобно, я думаю, самому больше и прежде всех других воспламениться и гореть такою ревностью, чтобы произносимые им слова об этом, сильнее раскаленного железа, врезывались в душу слушателей. А у нас нет этого огня, но все, что внутри - прах и пепел. Как же, скажи мне, как зажечь нам этот пламень, когда у нас нет ни искры, ни подложенного вещества, ни ветра, который бы притек и раздул этот пламень, вследствие великой мглы, какую распростерло над нашею душою множество грехов? Я не знаю. Пусть же будет тобою, давшим приказание, сказано и то, как это приказание может перейти в дело и получить надлежащее исполнение. Мы предложим в услуги свой язык, а ты моли Исцеляющего сокрушенных сердцем, Подающего малодушным долготерпение, Воздвигающего с земли бедного, чтобы Он возжег в нас тот огонь, который обыкновенно уничтожает всякую немощь человеческую, истребляет всякую сонливость, беспечность и огрубелость плотскую, направляет полет души к небу, а с того свода (небесного), как бы с некоей возвышенной вершины, показывает всю суетность и обманчивость настоящей жизни. А кто не может взлететь туда и воссесть на этой высоте, тому невозможно видеть, как следует, ни земли, ни того, что делается на земле. Так как (здесь) много есть такого, что омрачает зрение, много такого, что возмущает слух и удерживает язык; то надобно, уклонившись от всякого шума и дыма, удалиться в ту пустыню, где тишина великая и ясность чистая, а шума никакого, где глаза пристально и неуклонно устремлены к созерцанию любви Божией, а слух невозмутимо предан одному занятию - слушанию Слова Божия и вниманию к той стройной и духовной гармонии, сила которой, однажды пленив душу, так овладевает ею, что (человек), увлеченный этою мелодиею, неохотно принимает и пищу, и питье, и сон. Посему этой силы не может ослабить ни смятение житейских дел, ни напор многих плотских (пожеланий). До этой высоты духовной не достигает поднимающийся шум бури, происходящей внизу; но, как взошедшие на вершины гор не могут уже ни слышать, ни видеть ничего, что делается или говорится в городе, а слышат какой-то неясный и неприятный шум, который нисколько не лучше жужжания ос; так и удалившиеся от житейского и взлетевшие на высоту духовного любомудрия, не чувствуют ничего нашего; потому что, пока душа вращается на земле, тело и чувства телесные облагают ее бесчисленными цепями, со всех сторон собирая страшную бурю преходящих удовольствий: и слух, и зрение, и осязание, и обоняние, и язык, вносят в нее извне множество зол. Но когда она воспаряет и предается занятию духовными предметами, то заграждает вход греховным мечтаниям, не закрывая чувств, а направляя их деятельность на ту же высоту. Как грозная и строгая госпожа, начав готовить разнородную, тяжеловесную и драгоценную масть, и нуждаясь для этого во множестве рабочих рук, будит своих служанок и, приведши их к себе, одной приказывает отбирать в решето еще не приготовленные ароматы, другой взять безмен и весы и смотреть внимательно, чтобы их не вошло меньше или больше надлежащего и чрез это не нарушилась бы соразмерность приготовляемого состава; одной велит варить, что нужно, другой тереть, что не хорошо (протерто), а третьей соединять и смешивать одни вещества с другими, одной стоять с кувшином, другой - с другим сосудом, а третьей держать что-либо иное, и таким образом привязав к делу и ум и руки их, не дает ничему испортиться, тщательно присматривая за всем и не позволяя глазам блуждать и

развлекаться по внешним предметам: так и душа, приготовляя эту драгоценную масть, то есть, сокрушение, обращает чувства к самой себе и останавливает их рассеянность. И если случатся ей, собравшись к самой себе, размышлять о чем-либо праведном и богоугодном, она тотчас заставляет чувства прекратить свою деятельность, чтобы они не ввели в нее неблагоприятно чего-либо ненужного, и тем не возмутили внутренней тишины ее. Поэтому, хотя приражаются и звуки к слуху и видимые предметы к зрению, но ни один из них не проникает внутрь, так как деятельность каждого из этих членов бывает обращена к душе. И что я говорю о звуках и видимых предметах, когда многие из бывших в таком состоянии не чувствовали не только того, что другие проходили пред их глазами, но даже и того, что ударили их? Такова душевная добродетель, что желающему легко, находясь на земле, но как бы восседая на небе, не чувствовать ничего происходящего на земле.

2. Таков был блаженный Павел; вращаясь среди городов, он был столь далек от всего настоящего, сколько мы отличаемся от мертвых тел. Так, когда он говорит: "для меня мир распят"(Гал. 6:14), то понимает эту нечувствительность (к земному), и даже не одну эту, но и другую такую же, так что она была в нем двойкая. Он не сказал только: "для меня мир распят", и - замолчал; но последующими словами указал и на другую (нечувствительность), сказав: "и я для мира". Велико любомудрие в том, чтобы мир почитать мертвым; но еще большее и гораздо важнейшее в том, чтобы и самому быть как бы умершим для него. Итак изречение Павла означает следующее: он, по словам его, далек был от настоящего не столько, сколько живые от мертвых, но столько, сколько мертвые от мертвых. Живой, конечно, не питает пристрастия к умершему, однако имеет другое какое-либо чувство, - или удивляется еще красоте покойного или жалеет и плачет о нем; а мертвый к мертвому не питает и такого чувства и расположения. Это желая выразить, он к словам: "для меня мир распят", прибавил: "и я для мира". Видишь ли, как он был далек от вселенной, как, шествуя на земле, достиг до самой небесной высоты? Не говори мне о горных вершинах, о лесах, о долинах и непроходимой пустыне: одних их недостаточно для освобождения души от шума (мирского), а нужен тот пламень, который возжег Христос в душе Павла и поддерживал сам блаженный духовным помыслом, и поднял до такой высоты, что этот пламень, начавшись снизу - с земли, достиг до самого неба, и до высшего неба, до самого высшего, - ибо сам он был восхищен до третьего неба (2 Кор. 12:2); но его расположение и любовь ко Христу простиралась выше не только трех, но и всех небес. По телу он был мал и нисколько не превышал нас; но по расположению духа чрезмерно возвысился над всеми людьми, существующими на земле. И тот не погрешил бы, кто представил бы состояние этого святого под таким образом: будто бы какое-то пламя, обнявши поверхность всей земли и поднявшись вверх, прошло со всех сторон небесный свод и, пробежав сквозь лежащий выше его воздух, - воздух ли это, или что другое, - наполнило огнем середину между двумя небесами, и здесь не остановило своего течения; но, вдруг устремившись, поднялось до третьего неба и сделало все одним пожаром, которого широта равняется пространству всей земли, а высота - расстоянию от нас до третьего неба. Впрочем, и таким образом я, кажется, не изобразил и малейшей части любви его. А что эти слова не преувеличены, всякий точно может узнать, прочитав написанное нами об этом предмете к Димитрию. Так должно любить Христа, так - отрешаться от настоящего. Таковы были души и у святых пророков; потому они и получили другие очи. Отрешиться от настоящего было делом их собственного усердия; а что потом у них открылись другие очи для созерцания будущего,

это уже было делом Божией благодати. Таков был Елисей: так как он отдалился от всего житейского, возлюбил царство небесное и презрел все настоящее, то есть царство и власть, и славу и всеобщее уважение; то и увидел никем невиданное никогда - целую гору, покрытую строем огненных коней и таких же колесниц и воинов (4 Цар. 6:17). Кто прельщается настоящим, тот никогда не удостоится созерцать будущее; а кто пренебрегает здешним и считает его не лучше тени и сновидения, тот скоро получить великие и духовные блага. Так и мы богатство, принадлежащее мужам, открываем своим детям тогда, когда увидим, что они стали мужами и пренебрегают всем детским; но пока они прельщаются последним, мы считаем их недостойными перваго. Душа, не приучившаяся пренебрегать маловажным и житейским, не в состоянии будет созерцать небесное, равно как и созерцающая последнее не может не посмеиваться первому. Это говорил и блаженный Павел; хотя слова его и относятся к догматам, однако, могут быть применены и к нравам и к дарованиям именно: "Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия"(1 Кор. 2:14).

3. Итак мы, как я сказал, должны искать пустынножительства не только в каких-либо местах, но и в самом произволении, и прежде всего другого - душу свою вести в самую необитаемую (пустыню). При таком расположении и блаженный Давид, живший в городе, управлявший царством и обремененный бесчисленными заботами, был объят любовью Христовой сильнее живших в пустынях. Таких слез, вздохов и рыданий днем и ночью едва ли кто увидит у кого-либо из ныне распявшихся (для мира), если только такой действительно найдется. При этом мы должны не только обратить внимание на слезы, но и вникнуть в то, кто их проливал; потому что не все равно, облеченный ли (царским) достоинством, всеми почитаемый и не подлежащий ничьим обличениям, смиряется, унижается и изнуряет себя, или делает то же самое не имеющий ничего такого. Царя многое доводит до расслабления и препятствует ему собраться духом. Он и от ежедневной роскоши расслабевает и изнеживается, и властью надмевается и увлекается к гордости; его воспаляет и любовь к славе, и не меньше того любовь плотская, рождающаяся от власти и питаемая роскошью. Кроме того, вихри забот, устремляющиеся на него со всех сторон, возмущают душу его не меньше тех страстей, и посему сокрушение, встречая столько преград, никак не может найти доступа (к нему); ибо и свободная от всего этого душа с трудом может насаждать в себе это благо. А частный человек, если только он не крайне развращен, чужд всего этого смятения; потому и может предаться (сокрушению) с меньшим неудобством, нежели пользующийся таким могуществом, властью и честью. Как трудно и даже невозможно смешать огонь с водою, так думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением, потому что они противоположны и несовместимы между собою. Одно есть мать слез и трезвости, а другое - смеха и неумеренности; одно делает душу легкою и окрыленную, а другое приводит ее в состояние, тяжелейшее всякого свинца. Но я не сказал еще самого важнейшего, того, что (Давид) жил в те времена, когда не требовалось особенной строгости в образе жизни; а мы приступили к подвигу тогда, когда полагается великое наказание не только за другие грехи, но и за смех, и напротив постоянно одобряется плач и скорбь. Однако, этот блаженный, разрушив все препятствия, предавался сокрушению так сильно, как будто был из числа простых людей и никогда не видал и во сне ни царства, ни царского великолепия; и в порфире, и в диадиме, и на царском престоле показал такое же сокрушение, как сидящий во вретище, на пепле и в пустыне. У кого действительно есть это благое настроение, оно оказывает такую же силу, как

огонь в терновнике, и хотя бы (такого человека) угнетало множество зол, хотя бы опутывали его многие верви грехов, хотя бы сильно горел в нем пламень похоти, и окружало его великое смятение житейских дел, это (сокрушение), как бы крепким бичом, совершенно рассеет все такое и удалит от души. Как легкая пыль не может устоять против напора сильного ветра, так и множество похотей не может выдержать устремившейся на них силы сокрушения, но исчезает и рассеивается скорее всякой пыли и дыма. Если плотская любовь так порабощает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него? То и другое так волновало душу пророка, что он иногда говорил: "Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!" (Пс.41:2) и еще: "душа моя - к Тебе, как жаждущая земля." (Пс.142:6) и: "к Тебе прилепилась душа моя"(Пс. 62:9); а иногда: "Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня" (Пс. 6:2).

4. Пусть никто не говорит мне, что Давид написал этот (шестой) псалом, оплакивая свой грех. Это неверно и сделанная наверху (псалма) надпись не допускает такого предположения. Если бы содержания (псалма) нельзя было указать в надписи, то можно бы, если угодно, применить этот псалом и к обстоятельствам того греха; но когда известен (другой) псалом, сказанный по этим обстоятельствам, а настоящий псалом имеет иное содержание, то, прошу, не станем приводить в беспорядок божественное и собственным суждениям придавать более важности, нежели догматам, изреченным от Духа. Какая же надпись (6-го псалма)? О восьмом, "На восьмиструнном" (Пс.6:1), говорит (Давид). Какой же это восьмой (день), если не тот день Господень, великий и славный, подобный печи горящей, который заставит трепетать и горние силы ("и силы небесные", сказано, "поколеблются", Мф. 24:29), и изведет огонь, предшествующий Царю (Христу)? Он назвал этот день восьмым, указывая на перемену (настоящего) состояния и на обновление жизни будущей. Настоящая жизнь не что иное, как одна седмица: начинается она первым днем, а оканчивается седьмым: и потом опять круговращается в тех же пределах, восходя к тому же началу и нисходя к (тому же) концу. Поэтому никто не назвал бы дня Господня (воскресного) восьмым, но - первым; потому что круг седмицы не простирается до восьмеричного числа. Когда же все настоящее прекратится и разрушится, тогда наступит течение восьмого дня; оно не будет возвращаться к началу, но устремится в дальнейшие пространства. Итак пророк, от сильного сокрушения, имел всегда в памяти у себя (последний) суд, среди такого почета и удовольствий непрестанно видел перед собою тот день, о котором мы едва вспоминаем в скорбях, и, постоянно размышляя о судьбах Божиих, написал этот псалом. Что же говорит он? "Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня" - называя яростию и гневом великую силу наказания (он знал, что Бог свободен от всякой страсти), хотя и сознавал себя достойным не мучения и наказания, но почести и венцов. Его вера, которой он низверг башню иноплеменников (Голиафа) и весь народ иудейский исторг из самых врат смерти и благоденствие, оказанное им не раз не два, а многократно своему гонителю (Саулу), и прежде того приговор о нем, произнесенный самим Богом, достаточно показывают доблесть этого мужа более самых заслуг его. Дела (человеческие), как бы ни были велики и дивны, могут однако быть подозреваемы в порочности, хотя заслуги этого праведника (Давида) по большей части свободны от всякого подозрения. Но когда свидетельствует Бог, тогда приговор не подлежит никакому подозрению; и если бы Давид не представил самого верного доказательства своей доблести,

то и не получил бы небесного засвидетельствования. Что же Бог говорит о нем? "Нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева" (Деян. 13:22; ср. 1 Цар. 13:14). И однако, после такого суда (Божия) и после таких подвигов своих, он произносил слова свойственные осужденным и не имеющим никакого дерзновения пред Богом, исполняя евангельское (повеление): "когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать." (Лк. 17:10). Что больше этого сказал и тот, действительно исполненный множества грехов мытарь, который не осмеливался ни взглянуть на небо, ни произнести много слов, ни стать вблизи фарисея? Этот поносил его, говоря: "я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь"(Лк. 18:11); а тот принял его слова так, как будто бы не слышал ничего обидного, и не только не вознегодовал, но и почтил оскорбителя и гордеца такую честью, что признал себя недостойным той земли, которую этот попирает; не произнес ничего, кроме исповедания своих грехов и, сильно ударяя себя в грудь, горячо молил Бога быть милостивым к нему. Впрочем, нисколько не удивительно, что он так поступал, потому что множество грехов заставляло его, волею и неволею, преклонять голову; а что праведный и не сознававший за собою ничего такого приступал (к Богу) с таким же самоосуждением, как мытарь, это удивительно и показывает душу, истинно сокрушенную. Ибо чем отличаются от слов: "будь милостив ко мне грешнику" (Лк. 18:13) слова: "Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня"? Последние даже более выражают, нежели сколько первые. Мытарь не смел взглянуть на небо, а праведный (Давид) сделал гораздо больше его. Тот говорил: "будь милостив ко мне", а этот не осмелился сказать и этого: не сказал: "не обличай меня", но: "не в ярости Твоей"; не сказал: "не наказывай меня", но: "не во гневе Твоем", молил не о том, чтобы не быть наказанным, но чтобы не тяжело быть наказанным. Таким образом из всего можно видеть смирение души его - и из того, что он почитал себя достойным такого наказания, и из того, что он не осмеливался умолять Бога о совершенном прощении, а это свойственно крайне осужденным и признающим себя грешнее всех людей. А еще важнее то, что и самого избавления от тяжкого наказания он просит у милости и человеколюбия Божия, как немощный. "Помилуй меня", говорит, "ибо я немощен" (Пс. 6:3). Что это? Удостоившийся такого засвидетельствования и не забывающий судеб Божиих ("суды Твоя", говорил он, "не забыл" Пс. 118:30), сияющий светлее солнца, говорит такие слова? Да; то и достойно удивления, что совершивший столь великие дела ничего великого и не сказал и не подумал о себе, но почитал себя последним из всех и просил себе спасения от одного человеколюбия Божия. Он как бы так говорил: я достоин неослабного наказания и вечных мучений; но, как я уже не в силах переносить, то и молю об избавлении меня от настоящих бедствий, - подобно рабам, сделавшим много дурного, которые не могут сказать, что не согрешили, но так как боль от бичей невыносима, то умоляют наконец о прекращении ударов. Но здесь, я думаю, Давид разумел еще и другую немощ. Какую же? Немощь, которая в нем происходила от скорби и вздыханий. Когда постигнет нас с великою силою чрезмерная скорбь, то она пожирает всю силу души. Это, я думаю, испытал и праведник от сильного самоосуждения и от того, что не увлекался приятными надеждами, но всегда противоположными. Это ясно выражает он и в дальнейших словах. Сказав: "Господи! не в ярости Твоей обличай меня, помилуй меня", он присовокупил "ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена (Пс. 6:3-4). Если же тот, у кого совесть была так чиста, молит, чтобы дела его не подверглись строгому исследованию: что сделаем мы, которые обременены столь

многими пороками, так далеки от его дерзновения и не показали даже малейшей доли его исповедания? Почему же этот блаженный изрекал такое исповедание? Он был убежден, что никто не оправдается пред Богом, что и праведный едва спасается; поэтому и умоляет (Бога) - иногда так: "не входи в суд с рабом Твоим" (Пс. 142:2); а иногда так: "Помилуй меня, ибо я немощен" (Пс. 6:3).

5. Замечательно, что Давид нигде не упоминает о своих добрых делах, но предоставляет свое спасение человеколюбию Божию. Это свойственно сокрушенной душе и смиренному духу; и отсюда произошло то, что совершивший великие добродетели боялся и трепетал более грешников. А что Давид так трепетал и боялся, послушай, как он сам говорит: "Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, - Господи! кто устоит?"(Пс.129:3) Знал он, ясно знал, что мы много должны Богу и что самые маловажные грехи достойны великого наказания; предвидел задолго, какая заповедь даст Христос по пришествии своем; верил, что будут строго осуждены не только убийства, но и оскорбления и злословия, и порочные мысли, и смех, и празднословие, и шутовство, и другие, еще менее важные, пороки. Посему и Павел, хотя не знал ничего за собою, говорил: "Ибо [хотя] я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь" (1Кор. 4:4). Почему? Потому, что он, если и не сделал ничего дурного, как и действительно не сделал, то не считал себя вполне воздавшему подобающую Богу честь. Мы, хотя бы умерли тысячу раз, хотя бы совершили всякую добродетель, и тогда не воздали бы должного Богу за дарованные нам от Него блага. Посмотри: не имея никакой нужды в нас, но будучи самодоволен, Он привел нас из небытия в бытие, вдохнул (в нас) душу, какой (не дал) ни одному из животных земных: насадил рай, распростер небо, под ним положил землю, зажег блестящие светила: землю украсил озерами, источниками, реками, цветами и растениями, а на небе поставил хор разнообразных звезд; сделал для нас ночь полезной не меньше дня, от доставляемого сном покоя и укрепления. Сон не меньше яств питает наши тела, как видно из следующего: часто, видим мы, голод переносят в продолжение многих дней, а без сна невозможно пробыть и немного дней. Ночь также прохлаждает и уничтожает в нас тот жар, который скопляется в течение дня отчасти от солнечных лучей, отчасти от дневных трудов, и таким образом восстанавливает в нас опять бодрость на труды, а в зимнее время своей продолжительностью она еще более доставляет нам покоя и отралы, заставляя нас быть под домашней кровлей. И темнота сделана принадлежностью этого времени не напрасно и не без цели, но для большего успокоения. Как сердобольные матери, желая усыпить беспокойных детей, берут их в свои объятия и, накинув на глаза их покрывало, усыпляют их: так и Бог, распростерев над вселенной темноту, как бы некий покров, покоит людей от трудов. Если бы этого не было, то мы все надорвались бы от суетливости или чрезмерного сребролюбия и от трудов; а теперь нас поневоле (ночь) отрывает от занятий. И такой закон (природы) не только тела наши восстанавливает, но и душу не меньше тел. Говорить ли о тишине и спокойствии в это время? Как тогда все полно молчания, свободно от шума, не слышно ничьего крика, как это бывает днем, когда одни скорбят от бедности, другие жалуются на обиду, иные оплакивают болезнь и повреждения тела, другие смерть родных, иные потерю денег, иные другое какое-либо человеческое несчастье, которых так много! От всех этих несчастий, как бы от тревожений, ночь избавляет род человеческий и успокаивает в своей пристани. Таковы блага нам от ночи; а блага, доставляемые днем, известны всем нам. Что сказать об удобстве сообщений, которым мы пользуемся? Дабы продолжительность путешествия не отвращала нас

от сообщения друга с другом, Бог проложил по всей земле кратчайший путь для нас - море, чтобы мы, живя во вселенной, как бы в одном доме, часто приходили друг к другу и каждый, легко сообщая ближнему свое, получал обратно находящееся у него, и таким образом, занимая малую часть земли, наслаждался благами всех стран, как бы обладатель всей земли; подобно тому, как за богатым столом каждый гость может и сам предложенное ему подать далеко сидящему, и от него получить лежащее перед ним, только протянув руку. Если кто станет исчислять и все прочие (блага), то найдет неизреченное множество их, не исчислит и малой части; потому что, как может человек измерить беспредельную премудрость Божию? Представь себе только разные роды растений плодородных, бесплодных, растущих в пустынях, в местах обитаемых, на горах, на равнинах; посмотри на разнообразие в семенах, в травах, в цветах, в животных земных, в земноводных, в морских; вспомни, что все видимое создано для нас - небо, земля, море и все, что в них. Как если бы кто построил себе блестящий дворец, украшенный множеством золота и сияющий ярким блеском камней, так и Бог, создав мир, ввел в него человека, чтобы он царствовал над всем. И еще более удивительно то, что кровлю этого здания (Бог) устроил не из камней, но составил ее из другого драгоценнейшего вещества, и зажег огонь не на золотом светильнике, но, спустив светила сверху, повелел им протекать по кровле этого здания, чтобы мы получали не только пользу, но и великое удовольствие; а землю распростер в виде богатой трапезы. Все это Бог дал человеку, еще не сделавшему ничего доброго. Хотя человек, после такого дара, оказался неблагодарным своему Благодетелю, однако Бог не лишил его чести, а только изгнал из рая и этим наказал, чтобы воспрепятствовать дальнейшему возрастанию неблагодарности и удержать его от стремления к худшему. Обо всем этом помышляя, и, как движимый Духом Божиим, созерцая и многое сверх того, - и то, что было от начала (мира), и что бывает каждодневно, и то, что бывает с каждым порознь, и что со всеми вместе, и то, что происходит явно, и что втайне еще больше явного, а также дела домостроительства Единородного Сына Божия и будущие блага, обозревая вообще все и во всем находя и созерцая неизреченную любовь Божию, апостол, как бы низвергшись в неизмеримую бездну, постиг, сколь многим и великим он был обязан (Богу), и не воздал Ему и малейшей части. Поэтому он и сказал упомянутые слова, с великим тщанием исследовал и малая согрешения свои, а добрые дела предавал забвению (1 Кор. 4:4). А мы не так; но о грехах, сколь они ни многочисленны и ни велики, мы и не говорим, и не помним; а если сделаем какое-нибудь малое доброе дело, то выказываем его повсюду и не перестаем хвастать и надмеваться дотоле, пока не упраздним тщеславием и самое малое добро. Имея это в виду, и Давид говорил: "что [есть] человек, что Ты помнишь его"(Пс. 8:5)? Кроме того, обвиняя человека и в неблагодарности, он говорил: "Но человек, будучи в чести, не уразумел (сего), сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им"(Пс. 48:13).

6. Признательному рабу свойственно смотреть на благодеяния, оказанные всем вместе, как на собственные, и печься и заботиться так, как бы сам был должником за все. Так сделал и Павел (хорошо опять вспомнить о нем), когда сказал, что Господь умер за него: "А что ныне", говорил он, "живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня."(Гал. 2:20). Так говорил он не потому, чтобы хотел сократить дар Христов, но потому, что желал представить себя виновным во всем и возбудить в каждом такое же расположение духа. Если бы Христос пришел и для одного человека, то дар Его от этого не только не уменьшился бы, но явился бы еще большим. Почему так? Потому, что Он показал

бы такое попечение и об одном человеке, какое - отыскивающий одну (потерявшуюся) овцу; поэтому (Павел) и смущался, поэтому и плакал. Если взявшие деньги займы и не могущие уплатить, утопая в великой бездне долгов, не едят и не спят от мучительной заботы, то чего не претерпит праведник, видя свой долг (перед Богом), состоящий не в деньгах, но в делах? А мы не так; но уплатив совсем мало, ведем себя так, как будто уплатили все, и даже поступаем еще хуже: и этого малого не делаем с подобающей свободным людям ревностью, но наперед разведываем, есть ли за то награда, велика ли награда, будет ли то вменено нам самим, произнося слова людей несвободных и наемных. Что говоришь ты, малодушный и жалкий человек? Тебе надлежит сделать нечто угодное Богу, а ты стоишь с заботою о награде? Если бы тебе за такое дело надлежало впасть в геенну, то и тогда разве следовало бы уклоняться, а не с великою готовностью приниматься за делание добра? Ты делаешь приятное Богу, и ищешь еще другой награды. Истинно не знаешь ты, какое великое благо угодить Богу; потому что, если бы ты знал это, то никакой другой награды не сравнял бы (с этим благом). Разве ты не знаешь, что награда тебе будет больше, когда ты станешь делать должное, не надеясь на награды? Разве не видишь, что и между людьми все особенно уважают тех, которые прежде наград имеют в виду угодить (им) и об этом стараются больше, чем о почете от них? Так люди столь благородно поступают даже с подобными себе, а ты, так во многом благодетельствованный Господом и столь многих ожидающий благ, когда надобно сделать что-либо полезное для твоего спасения, прежде дела разведываешь о награде. Поэтому мы и бываем всегда холодны и жалки и не готовы ни к какому благородному делу; поэтому мы и не можем быть в сокрушении и хотя бы немного собраться с духом. Мы и не помышляем внимательно о грехах своих, и не исследуем благодеяний Божиих, и не смотрим на совершивших величайшие подвиги. Мы потому забываем о добрых делах, что и благополучием пользуемся неумеренно, и называя себя часто грешниками, говорим это неискренно. Это видно из того, что, когда услышим такое название от других, мы сердимся и раздражаемся и называем это обидою. Так во всем у нас лицемерие, и мы не подражаем мытарю, который, когда другой укорял его во множестве грехов, перенес эти укоризны и получил плод от дел своих - "сей пошел оправданным в дом свой более, нежели" фарисей (Лк. 18:14); а мы не знаем даже, что такое исповедание, хотя исполнены бесчисленных грехов. Нам надлежало бы не только убедиться, что у нас множество грехов, но и все грехи свои, малые и великие, начертать на сердце, как в книге, и оплакивать, как недавно совершенные. Тогда мы смирили бы гордость души своей, непрестанно напоминая ей о своих пороках. Памятование о своих грехах есть такое благо, что блаженный Павел часто выставлял на вид даже заглаженные вины свои. Так как все прежние вины он смыл крещением, а после жил так чисто, что не сознавал за собою ничего и не имел грехов, о которых бы надлежало вздыхать, то вспоминал о грехах, омытых уже крещением, и говорил: "Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый."(1 Тим. 1:15); и еще: "Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулителем и гонителем и обидчиком" (1Тим 1:12-13), "я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее" (Гал.1:13); и еще: "недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию." (1 Кор. 15:9). Такие грехи, хотя мы и освобождены от вины за них, однако могут весьма возбудить душу и расположить ее сильно возлюбить Бога. Так и Симон, на вопрос Господа, "который" из двух должников "более возлюбит" займодавца, сказав: "думаю, тот, которому более простил", услышал: "правильно ты рассудил."(Лк. 7:42-43).

7. Когда мы помыслим о множестве прежних грехов своих, тогда познаем чрезмерность милости Божией, тогда преклоним голову, тогда смиримся; потому что чем более тяжки грехи, в которых мы виновны, тем более мы будем сокрушаться. Так Павел вспоминал и о прежних грехах своих, а мы не хотим вспоминать и о сделанных нами после крещения, угрожающих опасностью и подвергающих нас ответственности за них; но если когда и придет у нас мысль о каком-либо таком грехе, мы тотчас устраняем ее и не хотим опечалить душу воспоминанием (о нем) и на краткое время. А от этой бесполезной нежности происходит для нас множество зол, потому что находясь в таком состоянии самодовольства и изнеженности, мы не можем и исповедаться в прежних грехах своих (как это возможно, когда мы приучаем себя не допускать и воспоминания о них?), и легко впадаем в последующие. Если у нас всегда живо это памятование и душу беспокоит страх, то с удобством можно искоренить изнеженность ее и беспечность. Но если снимешь (с нее) и эту узду, то кто наконец удержит ее и не даст нестись безбоязненно по стремнинам и низринуться в бездну погибели? Поэтому праведный (Давид) и представлял себе будущее наказание: поэтому плакал, поэтому вздыхал, и притом весьма сильно! Вам, великим людям, для сокрушения достаточно вспоминать о благодеяниях Божиих, не помнить о своих доблестях, с великим тщанием вникать, не случилось ли когда вам сделать какой-нибудь малый грех, взирать на великих и весьма благоугодивших Богу мужей; после всего этого размышлять о неизвестности будущего, о склонности (людей) к падению и греху, чего боялся и Павел, и потому говорил: боюся, "дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным." (1 Кор. 9:27); и: "кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть." (1 Кор. 10:12). Так и Давид о всем этом помышлял в самом себе, и, рассуждая о благодеяниях Божиих, говорил: "что [есть] человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его" (Пс. 8:5-6). А о добрых делах своих забывал так, что при безмерном любомудрии своем сказал: "кто я, Господи, Господи, и что такое дом мой, что Ты меня так возвеличил! И этого еще мало показалось в очах Твоих, Господи мой, Господи; но Ты возвестил еще о доме раба Твоего вдаль. Это уже по-человечески. Господи мой, Господи! Что еще может сказать Тебе Давид?" (2 Цар. 7:18-20)? Часто помышляя о добродетелях предков, он почитал себя за ничто в сравнении с ними. Так, сказав: "На Тебя уповали отцы наши" о себе прибавил: "я же червь, а не человек" (Пс. 21:5,7). И неизвестность будущего имел он пред глазами, так что говорил: "просвети очи мои, да не усну я [сном] смертным" (Пс. 12:4). А себя считал виновным в столь многих грехах, что говорил: "прости согрешение мое, ибо велико оно" (Пс. 24:11). Итак вам, великим людям, достаточно и этого; а у нас и при этих врачевствах остается еще сильное и достаточное основание к истреблению гордости и всякого высокомерия. Какое же это? Множество грехов, злая совесть: когда она овладеет нами, то не допускает нас и при желании нашем подниматься на высоту. Посему прошу и умоляю тем дерзновением, которое приобрел ты пред Богом своими добродетелями, подать руку (помощи) нам, постоянно молящимся, чтобы мы могли и достойно оплакать бремя столь многих грехов, и, оплакав, вступить на путь благоприятный и ведущий нас к небу, чтобы нам не пострадать вместе с отверженными, сошедши во ад, где никто не может исповедаться (Пс. 6:6), и откуда уже никто не освободит нас. Пока мы пребываем здесь, то и мы можем получить от вас великую пользу, и вы можете весьма облагодетельствовать нас; а когда отойдем туда, где ни друг, ни брат, ни отец не могут ни помочь, ни быть при нас во время наказания, то уже будет необходимо в стеснении и глубоком мраке и при полном отсутствии утешителей терпеть бесконечное наказание и быть несожигаемою пищею для всепожирающего пламени.